

Проблемы традиционной культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России и роли государства в этих процессах (XX–начало XXI века)

Р. В. Гвоздев

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
groma@inbox.ru

Аннотация

За период XX–XXI вв. из самостоятельных этнических образований аборигенные этносы превратились в составные части большого многонационального государства, с принципиально иной духовной доминантой, иным социальным устройством и типом экономики. Изменения затронули как традиционную материальную, так и духовную культуру. В процессе этих изменений стали размываться грани между традицией и реальностью. Мы сделали попытку оценить роль государства в происходящих процессах, а также сравнить ситуацию по данной проблеме в соседнем Китае, отметить общие тенденции. В исследовании обозначена роль основных факторов, повлиявших на глобальные трансформации в области духовного и материального у коренных малочисленных народов Приморья, а также намечены несколько новые взгляды на проблемы сохранения этнической идентичности.

Ключевые слова:

традиционная культура, коренные народы Дальнего Востока, духовная культура, государственная политика

Сохранение материального и духовного наследия коренных малочисленных народов (далее – КМН) проблема даже не общероссийского, а, скорее, мирового масштаба. Возникающие в связи с этим вопросы имеют много общего для разных государств и народов. О роли хозяйственной деятельности как маркера этнической идентичности коренных народов Дальнего Востока неоднократно упоминалось [1, с. 64–65]. Дальневосточный исследователь-философ А. В. Поповкин, основываясь на теориях К. Ясперса и А. Тойби, предложил типологию культур по преобладающему типу исторического акта. Этим актом, или трансформацией культуры, может являться либо трансгрессия (пересечение границы, качественный скачок), либо транспонирование (перенос какой-либо структуры без изменений в новые условия) как ответ на экзистенци-

Problems of the traditional culture of the indigenous minorities of the South of the Russian Far East and the role of the state in these processes (XX–early XXI centuries)

R. V. Gvozdev

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS,
Vladivostok
groma@inbox.ru

Abstract

During the XX–XXI centuries, aboriginal ethnic groups turned from independent ethnic formations into constituent parts of a large multinational state, with a fundamentally different spiritual dominant, a different social structure and type of economy. The changes affected both traditional material and spiritual culture. In the process of these changes, the concepts themselves were transformed, the lines between tradition and reality began to blur, since the latter is in constant dynamics. We made an attempt to assess the role of the state in the ongoing processes, as well as to compare the situation with the indigenous minorities in neighboring China, and note general trends. The study identifies the role of the main factors that influenced global transformations in the field of spiritual and material development of the Primorye Territory, as well as outlines a somewhat new understanding of the problem of preserving ethnic identity.

Keywords:

traditional culture, indigenous peoples of the Far East, spiritual culture, state policy

альные вызовы. При транспонирующем типе акта существенные изменения в материальной или духовной сфере (так называемые «вызовы») коренным образом влияют на собственную идентичность и самосознание этноса. В противовес народам с трансгрессирующим типом, при котором идентичность народа не меняется, а как бы переносится (transgress), даже при наличии барьеров в виде существенных изменений в материальной или духовной культуре. У аборигенных этносов Приморья, скорее, преобладает транспонирующий тип реакции на предельные экзистенциальные вызовы и, соответственно, традиционная хозяйственная деятельность во многом является определяющим фактором собственной этнической идентичности [2, с. 621–627].

Для примера обратимся к свидетельствам исследователей. Так, в материалах В. К. Арсеньева мы находим упоминание того, насколько важна хозяйственная деятельность в жизни коренных народов. Говоря о возможных причинах упадка тех же тунгусов (эвенков), он называет их нежелание поступиться трудовым укладом быта предков. Традиционно эвенк прежде всего оленевод и охотник. И он может буквально умирать с голоду, живя на берегу реки, кишасей рыбой. То есть он в состоянии поймать некоторое количество, но не готов начать отлов системно и организованно, вооружившись промышленными орудиями лова. Для тунгуса это означало бы не просто измену устоявшимся хозяйственным навыкам, а фактически целую революцию производственных форм. Именно поэтому в самый разгар осенних рыбалок вместо того, чтобы обеспечить себя рыбой на целый год, как делали те же русские, эвенки предпочитали уходить на охоту, с заранее непредсказуемым результатом [3, с. 38].

Есть и более поздние свидетельства сложности смены сферы хозяйственной деятельности для КМН. Известен случай, когда эвенки, даже лишившись оленей, из-за которых и велась перекочевка, продолжали регулярно перемещать свои палатки на новое место. Хотя в этом полностью отсутствовал практический смысл. Настолько болезненным был их переход к оседлости, ведь принцип каждодневного перемещения являлся самой сутью кочевника [4, с. 8].

Неоднократно упоминаются случаи негативного влияния капиталистических отношений на традиционное хозяйство. Так как колонизация шла по Амуру (от верховьев и со стороны устья), то гиляки (нивхи) раньше других столкнулись с восточными славянами, и их традиционный хозяйственный уклад жизни раньше других подвергся влиянию. Крупные капиталистические рыбопромышленные предприятия с их большими объемами и прогрессивными способами заготовки рыбы, а также соблазнами в виде торговли спиртом, имели разрушительное влияние на своеобразный родовой строй нивхов, превратив их из людей трудоспособных, по словам Арсеньева, в ленивых, «беспечных прожигальщиков» около больших рыбалок [3, с. 56]. В другой раз он пишет, что ольчи (ульчи) проявляют активность только во время хода лососевых рыб. В остальное же время производят впечатление ленивых и инертных людей, несмотря на общую нужду и недостаток корма даже для собственных собак. В итоге ульчи даже забросили часть традиционных для них видов, таких как соболевание и охота на морского зверя, за которым ранее ходили через Амур в бухту Таба и залив Де-Кастри [там же, с. 42].

На показанных выше примерах мы видим, с каким трудом менялись хозяйственные предпочтения и уклад жизни, и как отрицательно влияло на состояние коренных этносов любое нарушение баланса в этих областях. Арсеньев в своих исследованиях о причинах буквального вымирания представителей КМН называет в числе первых именно смену хозяйственной деятельности [5, с. 12]. При этом коренные народы Приморья достаточно легко меняли непосредственно предметную составляющую своего

хозяйства, т. е. именно предметы материальной культуры. На смену копьям, лукам и самострелам – ружья, на смену гребным лодкам пришли моторные и т. д. Таким образом, смена предметов материальной культуры, особенно в практической сфере хозяйственной деятельности происходила достаточно легко и безболезненно для собственного этнического самосознания.

Меняются практически все предметы материальной культуры. Уже сложно встретить представителя коренного этноса в традиционной одежде, кроме как на национальном празднике. Зверя в лесах и рыбы в реках не настолько много, чтобы прокормить все коренное население, меняется привычный уклад. Есть государственная экономика и инфраструктура, присутствующая даже в местах компактного проживания КМН. Да и у самих представителей коренного населения появились новые сферы хозяйствования, такие как огородничество, даже в отдаленных местах развивается сфера услуг и туризма. Большое количество представителей коренных народностей проживает в городах. Таким образом, нельзя как раньше сказать точно, что удэгеец – только охотник, а нанайец, например, рыболов. Соответственно, мы видим картину, что даже при сохранении модели хозяйствования, предметный ряд традиционной материальной культуры в ней не востребован и полностью выключен из процесса. Он переходит в лучшем случае в разряд исторической реконструкции, в коллекции музеев и т. д. И для сохранения этого наследия необходимо прикладывать специальные усилия, так как предметы традиционной материальной культуры уже не представляют собой часть повседневности. В некотором роде уже отжившие предметы материальной культуры переходят как бы в разряд духовных ценностей и составляют саму память народа и являются частью идентичности. Она продолжает существовать в виде национальных ремесел, промыслов и декоративного творчества [6, с. 255; 7, с. 117].

Это же можно применить к традиционному духовным сферам коренных народов, таких как шаманизм, анимизм, фольклор и язык. Взять, к примеру, вопрос о верованиях. Во-первых, они зачастую были связаны именно с хозяйственной деятельностью, в особенности анимизм с его промысловыми культами и духами местности. Во-вторых, основы того же шаманизма на Дальнем Востоке были существенно подорваны еще на заре XX в. И произошло это, главным образом, не по причине поддержки православия государством или агрессивности самих миссионеров. Встречавшиеся при христианизации на протяжении XVIII в. некоторые репрессивные меры (да и то главным образом на Северо-Востоке России) к XIX в. сошли на нет, а крещение было мирным [8, с. 480]. Переход в православие имел ряд преимуществ, одним из основных являлось освобождение от выплаты ясака. Переселение все большего количества восточных славян на Дальний Восток в известной степени также способствовало восприятию христианства. А с другой стороны, на данный процесс повлияла известная, говоря современным языком, толерантность анимизма и шаманизма. То есть переход в христианство не воспринимался как смена вероисповедания,

жизненной, нравственной парадигмы. В сознании аборигенов христианство зачастую просто вливалось в существующий культ. А православные святые или апостолы фактически просто добавлялись в привычный пантеон духов. Наиболее отчетливо это проявлялось в том, что сами представители культа, шаманы, заимствовали для своих обрядов некоторые элементы христианства, даже на их одежде и атрибутике появились восточнославянские и христианские элементы: кресты, лики святых, оружие европейского типа [9, с. 279]. Есть устоявшееся мнение, что шаманизм был на корню загублен в советский период на почве общей борьбы с религией. И для некоторых регионов Сибири и Дальнего Востока это действительно так. Но если брать территорию Приморья, то институт шаманства был подорван гораздо раньше. Тот же Арсеньев еще до революции 1917 г. пишет, что шаманизм остался преимущественно в отдаленных горных районах у удегейцев. Но в целом коренное население в значительной степени отошло от него [10, с. 253].

С начала 1990-х гг. произошел рост национального самосознания у представителей коренных народов. Это привело и к попыткам возрождения шаманизма, веры в духов. Где-то на территории Сибири и Дальнего Востока этот процесс протекает более-менее успешно. По крайней мере шаманизм вернулся как некий элемент традиционной культуры аборигенных этносов. Хотя, в основном, это касается больше обрядовой стороны шаманизма, в то время как шаманизм и анимизм подразумевают и определенную парадигму сознания, о возрождении которой в массах, конечно, речи не идет. В духовных вопросах, в вопросах веры, как нигде важна непрерывность традиции, иначе в результате получается в лучшем случае реконструкция. На юге Дальнего Востока, как мы видим, эта традиция была в целом прервана, исчез особый уклад, когда вера тесно переплетена с реальной жизнью [6, с. 215].

Фольклор также был частью духовной культуры коренных народов Дальнего Востока. А в условиях отсутствия письменности его значение трудно переоценить. Он являлся своеобразной памятью народа, его зашифрованной историей. В наши дни традиционный фольклор изменил свою изначальную функцию. Он как бы есть, зафиксирован в книгах и аудиозаписях, но реальное количество представителей народа им владеющих неуклонно уменьшается. Он больше не отражает саму суть народа, а скорее отражает память о традициях. То есть поменялась функция. В современных условиях меняющегося мира первичная функция оказалась практически невостребованной. Но в этой изменившейся функциональности фольклор продолжает существовать в различных национальных музыкальных творческих коллективах.

Язык также оказался вовлечен в эти процессы по схожей схеме. Да, российское государство никогда не запрещало национальные языки. А в советское время даже прикладывало недюжинные усилия для их сохранения и развития. В конце 20-х-30-е гг. XX в. была изобретена письменность, появились словари, начали издаваться книги на языках коренных народов [7, с. 140]. Но при этом вся документация велась на русском языке, в школе

по понятным причинам как основной преподавался тоже русский. Попытки внедрения в школах преподавания на национальных языках еще в советское время не увенчались успехом по целому ряду причин. Во-первых, даже в национальных в школах всегда было большое количество русских учеников, соответственно, преподавание одновременно на двух языках было невозможным. Иногда в одной школе могли обучаться представители нескольких малочисленных этносов сразу. Кроме того, в языках малых народов зачастую существовали очень разные говоры, и преподавание на основе одного учебника также технически было невозможно. А создавать на каждый диалект или говор отдельный учебник – крайне не рационально. Да и проблема с кадрами для преподавания всегда стояла остро [11, с. 263]. Таким образом, снижение функциональности приводит к тому, что языки коренных этносов Приморья сегодня находятся в весьма плачевном состоянии. Буквально единицы представителей коренных народов могут свободно общаться на своих родных языках.

При этом задекларированные проекты по работе над сохранением языка дают низкую эффективность или сворачиваются. Так, например, произошло с удэгейским языком, несмотря на то, что президент России еще в 2019 г. давал правительству поручение о сохранении языка. В итоге московская компания, которая взялась за работу, свернула свою деятельность. Возможно, что в данном случае ее специалистам попросту не хватило ресурсов [12].

Многие программы и меры по спасению культурного наследия так или иначе направлены на попытки интегрировать уже не функционирующие элементы в реально действующую структуру, будь то сфера образования, духовная или хозяйственная. Уже давно ведется диалог о благоприятных условиях для развития народных промыслов – охоты и рыбалки. На практике еще в 2016 г. для КМНС начали формировать рыболовные участки и в 2018 г. уже 14 краевых рыболовных участков были закреплены за общинами КМН. Но при этом оказалось, что у общин нет достаточных мощностей для переработки рыбы. В результате представители коренных народов вынуждены обращаться к крупным промышленным компаниям, которые диктуют им свои, не всегда выгодные условия [там же].

В сложившейся ситуации причина видится в попытке претворить в жизнь изначально убыточные схемы, способные существовать только в случае денежных вливаний, а государству все-таки невыгодно финансировать и содержать на постоянной дотации предприятия, которые не приносят доход. Исходя из этих причин, источники государственных доходов непостоянны [там же]. Да и в целом это удобная ниша для коррупционных схем. Другое дело, что можно не пытаться интегрировать в хозяйство уже отжившие формы. Необходимо либо кардинально их совершенствовать или придумывать новые. Например, то же рыболовство вполне могло бы стать частью туристической индустрии. Если элементы духовной или материальной культуры рассматривать как часть исторической памяти народа, то и меры по сохранению этой памяти должны осуществляться соответствующие. Можно сколько угодно сетовать, что национальные языки уходят,

что никто не хочет их изучать и вкладываться в развитие, но если будет система национальных проектов с включенным изучением языка, фольклора с системой грантов и поощрений, то и желающие изучать язык и фольклорное наследие найдутся. Пусть это и не будет носить массового характера.

Говоря о роли государства в проблеме ассимиляции и утраты традиционной культуры малочисленными аборигенными этносами, необходимо сделать краткий исторический экскурс. Как мы знаем из «Устава об управлении инородцев» первой четверти XIX в., российское государство гарантировало права коренных народов и декларировало свою заинтересованность в сохранении основных способов их хозяйствования [13]. Менялись лишь способы реализации этого права, что и приводило иногда к отрицательным результатам. Например, внезапное внедрение капиталистических отношений в традиционное родовое хозяйство привело к перекосам в сторону одного наиболее востребованного продукта и утрате в итоге тех или иных видов природных ресурсов. Как следствие, разрушался традиционный уклад жизни. Например, из рек или морских прибрежных вод исчезало достаточное количество рыбы или иных биоресурсов. После революции 1917 г. в Советском Союзе проводилась коллективизация. Причем, ее активная фаза началась уже ближе к третьему десятилетию века, когда стало очевидным, что традиционное сельское хозяйство даже в эпоху НЭПа не давало достаточного прироста продукта. Хозяйства были, как правило, небольшими и не могли позволить себе современных средств добычи и обработки продуктов. Налицо была их низкая эффективность. Это совершенно не соответствовало задачам молодой Советской России. Данную проблему и должно было решить укрупнение хозяйств: создание колхозов и совхозов [7, с. 116]. И с экономической точки зрения это решение в значительной степени себя оправдало, хоть и несло в себе отсроченные негативные последствия. А вот если брать культуру коренных малочисленных народов, то укрупнение хозяйств привело к смене всего уклада. Часть коренного населения оказалась буквально оторванной от традиционного образа жизни, который в значительной степени и являлся определяющим для культур коренных этносов Дальнего Востока. Детское и отчасти женское население переместилось в поселки и более не вело привычный образ жизни. Дети вообще зачастую жили и обучались в интернатах. Данная проблема, кстати, не имела однозначного решения. Мы знаем, что для коренных народов характерно дисперсное проживание небольшими группами, так как при существовавшем ранее способе хозяйствования это был единственный способ к выживанию в целом. Таким образом, фактически невозможно одновременно вести традиционный образ жизни и при этом получать хотя бы минимальное школьное образование. Это привело к значительной утрате молодежью навыков традиционного способа ведения хозяйства и иным социальным последствиям, так как члены семей зачастую тесно общались между собой только в периоды каникул. Да и сам интерес к традици-

онному образу жизни был утрачен перед лицом других альтернатив.

Даже в ходе беглого анализа очевидно, что государство не проявляло намерений как можно быстрее ассимилировать коренные малочисленные народы юга Дальнего Востока или поставить их в угнетенное состояние. Применялись адекватные на тот момент меры для сохранения не просто населения, но всей его самобытной материальной и духовной культуры. Однако существовавший тогда уровень знаний о механизмах функционирования этих культур не позволил государству в полной мере реализовать собственные намерения.

К слову, данная ситуация с коренными малочисленными народами не является уникальной. Действия государства обусловлены собственными интересами и взглядами на то, как должна выглядеть национальная политика. За примерами ходить далеко не надо. На Севере Китая проживают хэчжэ, также являющиеся коренным малочисленным народом, известным у нас как нанайцы. Нанайцы и хэчжэ имеют общую этническую историю, но в какой-то момент оказались разделенными государственными границами двух стран. Как и у нанайцев в России, в демографическом плане ситуация выглядит крайне благоприятной: хэчжэ демонстрируют 11-кратный прирост численности за период с 1953 по 2010 г. [14, с. 105]. В то же время так же, как и у нас, здесь наблюдается отход от таких традиционных форм хозяйствования, как рыболовство, точнее, их доля постепенно сокращается [там же, с. 107]. Рыболовство вытесняется животноводством. Современное развитие государства диктует объективные процессы интеграции коренных малочисленных народов в экономику, поскольку это выгодно всем участникам. Что касается языка, то еще в 1930-е гг. хэчжэ, согласно исследованиям, владели своим языком и практически не знали ханьский (китайский), но уже в 1980-е гг. ситуация кардинально поменялась. К этому времени национальным языком владели лишь представители старшего поколения, а молодежь до 30 лет не понимала и не знала его [там же, с. 111]. Более того, в отличие от России, в Китае так и не было создано письменности для хэчжэ. Интересно, связи с данной темой, оценка китайской стороной данных процессов – там они оцениваются как прогрессивные, в общем деле построения китайской нации «чжунхуа миньцзу» [15, с. 161]. Резюмируя роль государства в отношении коренных малочисленных народов, можно констатировать, что оно озабочено, прежде всего, глобальными общенациональными, экономическими и демографическими интересами.

Таким образом, можно отметить, что несмотря на значительные трансформации в культуре коренных народов Дальнего Востока сохраняется значительная роль традиционной хозяйственной деятельности, в том числе и в вопросе этнической самоидентификации. Параллельно происходили ассимиляционные процессы, связанные с влиянием культуры восточных славян или, упрощенно говоря, русской культуры. Русские оказались носителями совершенно иных культурных, религиозных, экономических форм. Кроме того, в количественном отношении они

значительно превосходят аборигенов. Вместе с российской культурой пришла на Дальний Восток и российская государственность. Роль государства в данных процессах очень велика, но достаточно предсказуема и даже типична, как мы увидели в сравнительном примере с Китаем. Многонациональное государство исходит, прежде всего, из постулатов собственной безопасности, в том числе и в национальном вопросе, оно заинтересовано как можно более в равномерном развитии территорий и усредненном уровне жизни для большинства населения. Это выражается в законодательной базе, в правах коренных малочисленных народностей и различных национальных проектах. В качестве закрепления данного вектора государственных инициатив в 2009 г. правительством России был выпущен документ: «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [16]. Таким образом, в связи с усилением роли государства в последние десятилетия политика по отношению к коренным народам постепенно вновь возвращается к идее многонациональности, где каждый этнос – самостоятельная часть в составе большого народа России. Несмотря на многочисленные проблемы в данных вопросах и утрату существенной части традиционной культуры аборигенами, мы можем констатировать, что до сих пор ни один из коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока не исчез, не взирая на мрачные прогнозы известного исследователя В. К. Арсеньева, сделанные более 100 лет назад. Дошла до нас, хоть в сильно трансформированном виде, самобытная культура коренных малочисленных народов, а значит, есть еще возможности ее сохранения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Гвоздев, Р. В. Проблемы взаимопонимания и взаимодействия в сфере культуры коренных народов и восточнославянского населения Дальнего Востока России / Р. В. Гвоздев // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 60–69.
2. Поповкин, А. В. Транспонирование, как способ бытия «внеисторических культур» / А. В. Поповкин // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения 2011 г.). – Владивосток : Дальнаука, 2013. – С. 621–627.
3. Арсеньев, В. К. Вымирание инородцев Амурского края / В. К. Арсеньев. – Хабаровск : «Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора», 1914. – 18 с.
4. Тураев, В. А. (а) Охотские эвенки в XX веке: от этнокультурной эволюции к социальной деградации / В. А. Тураев // Этнос и культура в условиях общественных

- трансформаций. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – С. 3–37.
5. История и культура нанайцев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 328 с.
 6. История и культура орочей. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 176 с.
 7. Тураев, В. А. «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) / В. А. Тураев // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011). – Владивосток : Дальнаука, 2013. – С. 470–483.
 8. На грани миров. Шаманизм народов Сибири. – Москва : ИРП Художник и книга, 2006. – 296 с.
 9. Арсеньев, В. К. Быт и характер народностей Дальневосточного края / В. К. Арсеньев, Е. И. Титов. – Хабаровск-Владивосток : Книжное дело, 1928. – 84 с.
 10. История и культура удэгейцев. – Ленинград : Наука, 1989. – 193 с.
 11. Смоляк, А. В. Современные этнические процессы у народов бассейна Нижнего Амура / А. В. Смоляк // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – Москва : Наука, 1970. – С. 256–279.
 12. Коренные приморские: как живут и почему вымирают малые народы. 12.03.2012. Восток Медиа (новостной информационный портал). – URL: <https://vostokmedia.com/news/2021-03-12/korennnye-primorskije-kak-zhivut-i-pochemu-vymirayut-malye-narody-646253> (дата обращения: 15.05.2024).
 13. Устав «об управлении инородцев» 1822 гд // «Мудрый юрист» (информационный портал). – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822> (дата обращения: 1.05.2024).
 14. Ставров, И. В. Малый народ большой страны: положение хэчжэ (нанайцев) в современном Китае / И. В. Ставров // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 24. – Владивосток, 2019. – № 3. – С. 98–115.
 15. Латушко, Ю. В. Сравнительное изучение экономического развития хэчжэ и коренных малочисленных народов Дальнего Востока России / Ю. В. Латушко, И. В. Ставров // Россия и АТР. – 2013. – № 4. – С. 155–170.
 16. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Левоневский: правовая библиотека (правовой информационный портал). – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/text00063.htm> (дата обращения: 15.05.2024).

References

1. Gvozdev, R. V. Problemy vzaimopimaniya i vzaimodejstviya v sfere kul'tury korenykh narodov i vostochnoslavyanskogo naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii [Problems of mutual understanding and interaction in the field of culture of indigenous peoples and the East Slavic population of the Russian Far East] / R. V. Gvozdev // Di-

- alog kul'tur Tikhookeanskoj Rossii i sopredel'nykh stran: mezhehtnicheskie, mezhrupovye, mezhlchnostnye kommunikacii [Dialogue of cultures of Pacific Russia and neighboring countries: interethnic, intergroup, interpersonal communications]: collection of materials of the II All-Russian Sci. Conf. with intern. Participation. – Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch, RAS, 2019. – P. 60–69.
2. Popovkin, A. V. Transponirovanie, kak sposob bytiya «vneistoricheskikh kul'tur» [Transposition as a way of being of “ahistorical cultures”] / A. V. Popovkin // Tikhookeanskaya Rossiya v mezhcivilizacionnom i obshcherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sed'mye krushanovskie chteniya 2011g) [Pacific Russia in the intercivilizational and all-Russian space: past, present, future (7th Krushanov readings 2011)]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2013. – P. 621–627.
 3. Arsenyev, V. K. Vymiranie inorodcev Amurskogo kraja [Extinction of foreigners of the Amur region] / V. K. Arsenyev. – Khabarovsk: «Tipografiya Kancel'yarii Priamurskogo general-gubernatora [Printing House of the Office of the Amur Governor-General], 1914. – 18 p.
 4. Turaev, V. A. (a) Okhotskie evenki v XX veke: ot ehtnokul'turnoj ehvolyucii k social'noj degradacii [Evenks of Okhotsk in the XX century: from ethnocultural evolution to social degradation] / V. A. Turaev // Ehtnos i kul'tura v usloviyakh obshchestvennykh transformacij [Ethnicity and culture in the context of social transformations]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2004. – P. 3–37.
 5. Istoriya i kul'tura nanajcev [History and culture of the Nanai people]. – St. Petersburg: Nauka, 2003. – 328 p.
 6. Istoriya i kul'tura orochei [History and culture of the Orochi]. – St. Petersburg: Nauka, 2001. – 176 p.
 7. Turaev, V. A. «Inorodcheskij vopros» v politike Rossijskogo gosudarstva (XVII–XIX vv.) [“Foreign issue” in the policy of the Russian state (XVII–XIX centuries)] / V. A. Turaev // Tikhookeanskaya Rossiya v mezhcivilizacionnom i obshcherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011) [Pacific Russia in the intercivilizational and all-Russian space: past, present, future (7th Krushanov readings 2011)]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2013. – P. 470–483.
 8. Na grani mirov. Shamanizm narodov Sibiri [On the edge of the worlds. Shamanism of the peoples of Siberia]. – Moscow: IRP Khudozhnik i kniga [IRP Artist and Book], 2006. – 296 p.
 9. Arsenyev, V. K. Byt i kharakter narodnostej Dal'nevostochnogo kraja. [Life and character of the peoples of the Far Eastern Territory] / V. K. Arsenyev, E. I. Titov. – Khabarovsk-Vladivostok: Knizhnoe delo, 1928. – 84 p.
 10. Istoriya i kul'tura udegejcev [History and culture of the Udege]. – Leningrad., Nauka, 1989. – 193 p.
 11. Smolyak, A. V. Sovremennye ehtnicheskie processy u narodov bassejna Nizhnego Amura [Modern ethnic processes in the peoples of the Lower Amur basin] / A. V. Smolyak // Preobrazovaniya v khozyajstve i kul'ture i ehtnicheskie processy u narodov Severa [Transformations in the economy and culture and ethnic processes in the peoples of the North]. – Moscow: Nauka, 1970. – P.256–279.
 12. Korennye primorskie: kak zhivut i pochemu vymirayut malye narody [Indigenous coastal peoples: how indigenous minorities live and why they die out]. 12.03.2012. Vostok Media (news information portal). – URL: <https://vostokmedia.com/news/2021-03-12/korennye-primorskie-kak-zhivut-i-pochemu-vymirayut-malye-narody-646253> (accessed: 15.05.2024).
 13. Ustav «ob upravlenii inorodcev» 1822 g [Charter “on the management of foreigners” 1822] // «Mudryj yurist» [“Wise lawyer”] (information portal). – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822>. (accessed: 01.05.2024).
 14. Stavrov, I. V. Malyj narod bol'shoj strany: polozhenie khehchzheh (nanajcev) v sovremennom Kitae [Indigenous minorities of a large country: the position of the Hechzhe (Nanai) in modern China] / I. V. Stavrov // Proc. of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch, RAS. Vol.24. – Vladivostok. 2019. – № 3. – P. 98–115.
 15. Latushko, Yu. V. Sravnitel'noe izuchenie ehkonomicheskogo razvitiya khehchzheh i korenykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Comparative study of the economic development of the Hechzhe and indigenous minorities of the Russian Far East] / Yu. V. Latushko, I. V. Stavrov // Rossiya i ATR [Russia and the Asian-Pacific Region]. – 2013. – №4. – P.155–170.
 16. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 04.02.2009 N 132-r “O Konceptii ustojchivogo razvitiya korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii” [Government order of the Russian Federation dated 04.02.2009 No. 132-r “On the concept of sustainable development of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation”] // Levonevsky. Law Library (legal information portal). – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/text00063.htm> (accessed: 15.05.2024).

Информация об авторе:

Гвоздев Роман Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690950, Российская Федерация, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: groma@inbox.ru).

Author:

Roman V. Gvozdev – Cand. Sci. (History), researcher at the Center for Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (89, Pushkinskaya st., Vladivostok 690950, Primorsky Krai, Russian Federation; e-mail: groma@inbox.ru).

Для цитирования:

Гвоздев, Р. В. Проблемы традиционной культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России и роли государства в этих процессах (XX-начало XXI века) / Р. В. Гвоздев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 103–109.

For citation:

Gvozdev, R. V. Problems of the traditional culture of the indigenous minorities of the South of the Russian Far East and the role of the state in these processes (XX-early XXI centuries) / R. V. Gvozdev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 103–109.

Дата поступления рукописи: 16.07.2024

Прошла рецензирование: 11.06.2024

Принято решение о публикации: 26.07.2024

Received: 16.07.2024

Reviewed: 11.06.2024

Accepted: 26.07.2024